

Дмитрий Фурманов

Летчик Тихон Жаров

Дмитрий Фурманов
Летчик Тихон Жаров

«Public Domain»

1923

Фурманов Д. А.

Летчик Тихон Жаров / Д. А. Фурманов — «Public Domain», 1923

«...Жаров весь день кружится у машины – осматривает гайки и винты, ощупывает, привертывает, смазывает, приглаживает ее, как любимого человека... Он приходил сюда с техником, и целых полтора часа они простояли над машиной, заглядывая и прощупывая со всех сторон, или, лежа на спине, подползали под широко раскинутые крылья и снова высматривали, щупали, мазали холодные винтики, гайки, болты. Жарову хорошо знакомо это тревожное состояние перед решительным делом – не впервые вылетать ему в неравный бой, но сегодня тревога как-то особенно свежа, а мысль по-особенному чутка, быстра и беспокойна...»

© Фурманов Д. А., 1923

© Public Domain, 1923

Дмитрий Андреевич Фурманов

Летчик Тихон Жаров

Тих, прозрачен и душист июньский вечер. По березовой роще из конца в конец легким аukaющим звоном плывут шорохи, высвисты, четкая дробная трель вечерних птиц... На просторной круглой поляне, у самой опушки, будто картонные белые домики, приникли в траву парусиновые палатки летчиков.

Там, в тени, спасаясь от туч комарья, с накрытыми лицами – расстегнутые, раздетые, в одном белье, с сигарками в зубах, кто с книжкой, кто с газетой – лежат они в сумерках, отдыхают. Или собираются артелью – и через поляну, за рощу, на Валку купаться. Валка – узкая, тихоструйная речонка с отлогими берегами, глухо заросшими высокой травой. На Валке такая же тишь, даже тише, чем в роще. Только в осоке кряхтят тяжело и мерно огромные жирные лягушки... Над водой, над тихими, чуть слышными струями прозрачной газовой сетью поднялся вечерний туман... Из-за реки глухо, невнятно откуда-то издалека слышны голоса – это в деревне. Туда летчики ходят брать молоко, а иной раз по вечерам шатаются к девушкам: песни петь, играть на гармонике или парами, ныряя во тьму, пропадают за прудом, в лугах, в перелесках...

Сегодня вечером никто нейдет ни купаться, ни к девушкам на деревню. Сегодня у всех на душе тяжело и мрачно, лица у всех угрюмы и строги: за рощей, на пригорке, под свежим холмиком земли они зарыли сегодня лучшего и любимого товарища – Никиту Зорина. Он погиб в воздушном бою, обуглился до костей в пламени сгоревшего самолета. За три недели схоронили двоих, но особенно тяжела была эта последняя утрата – и сегодня целый день ходят все с понурыми головами, стараются реже встречаться, меньше говорить: каждому хочется выносить, изжить в себе свое цельное, недробленое горе.

Из дивизии прилетел новый летчик, Тихон Жаров, – он работал на московском аэродроме и, говорят, считался одним из лучших. Здесь его знает Крючков, они в прошлом году вместе летали где-то под Киевом.

Каждое утро, на заре, из-за леса подымается неприятель, и нашим стареньким, растрепанным самолетам не под силу справиться с ловким, быстрым хищником. Завтра против него подымется Жаров, новый летчик – и будут снова в напряжении, с тревогой ждать товарищи рокового исхода...

Жаров весь день кружится у машины – осматривает гайки и винты, ощупывает, привертывает, смазывает, приглаживает ее, как любимого человека... Он приходил сюда с техником, и целых полтора часа они простояли над машиной, заглядывая и прощупывая со всех сторон, или, лежа на спине, подползали под широко раскинутые крылья и снова высматривали, щупали, мазали холодные винтики, гайки, болты. Жарову хорошо знакомо это тревожное состояние перед решительным делом – не впервые вылетать ему в неравный бой, но сегодня тревога как-то особенно свежа, а мысль по-особенному чутка, быстра и беспокойна. Что это: неверие ли в свои силы, или опасение за испытанного, но усталого, растрепанного друга – за свой аппарат? Или еще что?..

Может быть, скорбь товарищей о дорогом покойнике – не передалась ли она и ему: круглый холмик влажной, свежей земли нейдет из головы.

Жаров мимо старта, где с распростертыми крыльями выстроились в ряд самолеты, мимо крайней палатки поплелся тихо по узкой лесной тропе, сам не зная куда и зачем идет...

У самой реки столкнулся с Крючковым – тот в жестяном измызганном чайнике с веревочной ручкой тащил воду на вечерний чай.

– Ты что тут бродишь один? – окликнул он Жарова, улыбаясь бесцветными водянистыми глазами. – Аль не привык к новому месту?..

– Да вот тут... – начал было Жаров, но понял, что отвечать собственно нечего, – не кончил, спросил сам: – Заправиться?..

– Идем вместе, – ответил тот, подходя к Жарову и подхватив его под руку.

Повернули, пошли по тропинке обратно и мало-помалу разговорились, ушли в воспоминания о прошлом, о работе под Киевом, о живых и погибших товарищах... Чайник с водой уже давно подвесили у придорожной березы и ходили взад-вперед, увлеченные разговорами.

Худенький, узколицый Крючков, с рыбьими глазами, мочальными припухшими волосами, одетый в несуразно растопыренные галифе, юркий и франтоватый недалекий человек – никогда по-настоящему не был близким товарищем Жарову, но теперь они разговорились, как близкие друзья, и Крючков совершенно не испытывал той обычной робости и чувства неравенства, той неловкости, с которою прежде подходил он к Жарову. Его не давила грузная, широкая фигура товарища, не смущали пристальные, тяжелые взгляды черных глаз, и вся речь Жарова, прежде казавшаяся такой пренебрежительной и высокомерной, показалась ему теперь простой, откровенной и задушевной... Он задорно, торопясь и сбиваясь, польщенный в глубине души такою переменою, высказывал Жарову свои мысли:

– Наше дело воевать, – горячился он, – воевать, и больше ничего... Все разговоры о мирном применении авиации, по-моему, одна только чушь. За ширму прячутся, очки втирают, а на самом деле одно у всех идет приготовление – к войне... И кто больше приготовится – тот наверху. Далеко нам еще до того, чтобы дамочек по воздуху катать...

Крючков не имел никаких специальных познаний в авиации, он был летчик – и только, да и среди летчиков никогда не считался особенно примечательным. Он был неглуп, но как-то легковесен и крайне неубедителен. Учился когда-то в гимназии и сохранил от той поры дурную привычку ввязываться в спор на любую тему, со значительным видом сообщая разные услышанные новости или мысли и факты из последней прочитанной брошюрки; все это, разумеется, выдавалось за собственное достоинство, но чуткий собеседник уже с первого слова умел раскусить незамысловатую личность Крючкова... Тихон Жаров, наоборот, дело понимал и интересовался им серьезно, и тех, которые с ним сталкивались, всегда приятно волновало его отчетливое, твердое знание и глубокая уверенность в том, что говорит. Таких «фендриков», как Крючков, эта серьезность Жарова отпугивала от «ученых» разговоров, и сам Крючков, встречаясь с Тихоном под Киевом, постоянно чувствовал себя перед ним на положении ученика. Но сегодня все обстояло по-иному... Когда он высказался горячо и торопливо, Жаров, посмотрев ему спокойно в глаза, сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.